

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Н. И. ФЕЛЬДМАН

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Общезвестно, что понятия «архаизм» и «неологизм» — относительны: они немало не связаны с истинным возрастом слов. За исключением историков языка, которым «по чину положено» знать время возникновения слов, и художников слова, ощущающих, старо или молодо слово, поскольку это определяет его стилистическую окраску, говорящие равнодушны к реальному возрасту слов. Например, ощутима ли разница в возрасте между словами *нейтрон* и *атом*? Нет, оба слова стилистически одинаковы, это — термины, получившие широкое распространение особенно в послевоенное время. Однако первому слову немногим более тридцати лет, тогда как второе существует в русском языке не менее двухсот пятидесяти (слово *атом* дает уже Э. Вейсман в «Немецко-латинском и русском лексиконе» (СПб., 1731, стр. 600)], а за пределами русского языка оно уходит в глубину тысячелетий. В словарном составе в каждый определенный момент слова различаются говорящими не по реальному возрасту, а по их устарелости или ощутимой новизне. При этом общезвестно, что устаревают слова медленно, однако неологизмы, если они получают широкое распространение, усваиваются языком удивительно быстро. Например, еще десять лет назад не было слов *бесконфликтность* и *украшательство*, а уж они ли не навязли в зубах? Во «Введении в языковедение» Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова к примерам неологизмов: *красноармеец*, *большевик*, *ленинец*, *сталиновец*, *колхоз* и др. сделано примечание: «...Восприятие слова как неологизма может быть чрезвычайно ограничено во времени. Такое слово, как *красноармеец*, так прочно вошло в лексику современного русского языка, что, конечно, уже много лет не осознается как новое слово. Термин *неологизм* мы употребляем в данном случае в более широком смысле и называем так новое слово для определенной эпохи в развитии языка» (разрядка моя. — Н. Ф.)¹. Совершенно очевидно, что у авторов знание возраста этих слов, имевших тогда от роду немногим более двадцати пяти лет, вошло в конфликт с живым их восприятием. Но редко удается зафиксировать обратное: даже зная, когда появилось то или другое слово, трудно найти объективные свидетельства о том периоде его существования, когда современники слышали, как оно хрустело новизной, точно несмятый бумажный рубль.

¹ Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, М., 1945, стр. 85. Не могу не заметить, что как раз *красноармеец* сейчас может служить примером слова, уже почти пятнадцать лет как выпавшего из активного употребления, но тем не менее ни в коем случае не ощущающегося как архаизм. Впрочем это, вероятно, в значительной мере зависит и от возраста «ощущающего».

Однако мы находим у Маяковского:

Небось не напишут мой портрет,—
ведь трут понапрасну кисти.
Ведь тоже лицо как будто,— ах нет,
рисуют кто поцекистей.

(Маяковский, «Верлея и Сезав»)

У Щедрина читаем: «Они не только не стыдятся этого, но даже высказывают публично, что подобное поведение вовсе не постыдно, что над ними ничто не тяготеет, что они душедряниствуют и умонелепствуют по собственному своему усмотрению...» («Журнальный ад») или: «А средний человек, которым кишит вселенная, судорожно цепляется за свою неповрежденность. Он-то своими боками и демонстрирует властность белиберды. Он охотно сторонится перед белибердой, поддакивает ей, лишь бы она прошла, не заметив его. И нередко, действительно, проскальзывает... Ибо и белибердоносцы враждуют и препираются между собою» («Пестрые письма»).

Хотя со времени написания этих строк прошли десятки лет, слова *поцекистей*, *душедряниствовать*, *умонелепствовать*, *белибердоносцы* сразу выделяются из общего контекста своей новизной. И вот этим-то они резко отличаются от подлинных неологизмов, о которых шла речь выше: для последних, как уже упомянуто, характерно как раз обратное — а именно то, что трудно уловить тот недолгий момент, когда они еще ощущались как неологизмы.

Есть у этих слов как будто и еще одна характерная особенность: они имеют автора. *Поцекистей* — слово, составленное Маяковским, *душедряниствовать* — щедринское словечко, а *громокипящий* — собственность Тютчева¹. Однако общезвестно, что и некоторые отнюдь не окказиональные слова тоже в свое время были сочинены отдельными лицами (например, слово *миллипут* сочинено Свифтом, *газ* — Ван-Гельмонтом); а авторство многих слов-самоделок, не вошедших в язык, может остаться незамеченным и, во всяком случае, трудно запоминаемым — «авторов» их слишком много.

Таким образом, подобные слова-самоделки отличаются от неологизмов, имеющих в каждый момент в словарном составе языка, тем, что они не получили распространения, не вошли в язык и в силу этого сохраняют свою новизну независимо от момента. Формальные (словообразовательные) отличия встречаются у них редко, поэтому при иллюстрации разных типов словообразования их можно ставить в ряд с существующими словами². Интересно было бы проследить, что именно мешает таким словам войти в язык. В этом отношении особенно интересны новообразования Щедрина, потому что с точки зрения их дальнейшей судьбы они разнородны. Вполне естественно, что А. И. Ефимов в своей книге о языке Щедрина, где целая глава уделена словотворчеству сатирика, не оценивал их с этой стороны: в стиле Щедрина как таковом *мордобитие* и *рылобитие*³ играли во всех отношениях одинаковую роль.

¹ Известно, что Игорь Северянин употребил это слово в названии одного своего сборника цитатно: «Громокипящий кубок».

² См., например: М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 109, 135, 143, 163, 227, 249, 257 и др.; В. П. Григорьев, О границах между словосложением и аффиксацией, ВЯ, 1956, № 4, стр. 40, 41, 44, 45, 46, 48 и 49.

³ См. А. И. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, [М.], 1953, стр. 356 и 340. Ниже при новообразованиях Щедрина в скобках дается ссылка на страницу этой книги.

С точки же зрения дальнейшей их судьбы эти новообразования входят в две разные группы. *Мордобитие* входит в ту, куда относятся и *породистость* (330), *ехидство* (336), *нерадение* (339), *истолкователь* (342), *гадательный* (344), *паразитизм* (346) и т. п., т. е. слова в настоящее время общераспространенные. Рядом с *рылобитием* становятся *одураемость* (331), *каплунство* (333), *взбутование* (337), *подмигиватель* (341), *подмигивательный* (344) и т. п. — слова, не вошедшие в язык и иногда сами по себе не вполне понятные. Ко многим из слов последней группы приложимо то, что А. И. Ефимов пишет о сложных словах Щедрина: «... Это продукт индивидуального словоупотребления. Дело в том, что своеобразие словосложений Щедрина нельзя понять без учета специфического наполнения их содержания... щедринское сложение «стрижи-литераторы» (III, 419) получает правильное толкование лишь в том случае, если будут установлены подробности самой метафоризации значения слова „стриж“...»¹. Не только словосложения, но и такие аффиксальные новообразования Щедрина, как *галдоватость* (329), *ташкентство* и *афинство* (334), *лудителный* (343) и множество других, вне контекста совсем не могут быть поняты. Часть из тех новообразований Щедрина, которые в дальнейшем не вошли в общее употребление, обязана своей судьбой именно этому их свойству. То же относится к новообразованиям Маяковского. Г. Агасов пишет: «... Маяковский, создавая новые слова, не имел претензии делать их универсально-годными... Он прежде всего имел в виду служебную пригодность найденного нового слова для данного частного случая»².

Тесная связь слов-самоделок с контекстом, из которого они как бы вырастают, делает их уместными и особо выразительными на своем месте, однако вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне его. Вот это основное их свойство позволяет назвать их, в отличие от неологизмов, т. е. новообразований, вошедших в язык, **о к к а з и о н а л ь н ы м и с л о в а м и**.

Хотя само наличие окказиональных слов замечено уже давно, общепринятого наименования им пока не дано. Исследователи стиля Маяковского называют их неологизмами; А. И. Ефимов, как уже упомянуто, говорит просто «образования (Щедрина)». М. Д. Степанова называет их «словами-метеорами»³; Л. В. Щерба и А. И. Смирницкий пользуются термином «потенциальные слова». А. И. Смирницкий раскрывает этот термин так: «... Всякое созданное в речи на данный случай слово... может войти в обращение... Но до тех пор, пока такое слово... не стало воспроизводиться в общественном масштабе в процессе общения, оно, собственно, может быть признано лишь „потенциальным“ словом..., не вошедшим в словарный состав языка, не существующим в качестве его составной единицы...»⁴. Что окказиональные слова не входят в словарный состав языка — это, несомненно правильно, но сам термин «потенциальный» кажется нам неудачным вот почему. С одной стороны, окказиональные слова прежних лет, которые не вошли в язык в течение десятилетий, не имеют, как правило, «потенций» войти в него и впредь, а значит, в этом смысле термин «потенциальный»

¹ А. И. Ефимов, указ. соч., стр. 351.

² Г. Агасов, Языковое новаторство Вл. Маяковского, «Лит. учеба», 1939, № 2, стр. 18. На это же указывает и Э. Паперный: «... ясно, что поэтический [неологизм] создается не для обихода, но для данного случая. Закономерно, что новые слова у Маяковского почти никогда не повторяются, рождаются заново, неразрывно связаны с совершенно определенным образно-смысловым контекстом». (Э. Паперный, Маяковский сегодня, «Новый мир», 1957, № 4, стр. 232).

³ М. Д. Степанова, указ. соч., стр. 39.

⁴ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 5.

к ним неприложим. С другой стороны, сам по себе, вне контекста, этот термин создает впечатление, что слова собственно нет, оно только возможно; между тем окказиональные слова на своем месте существуют вполне реально, что было показано выше на цитатах из Маяковского и Щедрина. Нам кажется, что термин «окказиональные» точнее раскрывает их природу.

Должны ли окказиональные слова входить в словари? Вопрос этот законен, потому что такие слова попадают в словари, но попадают несистематично, вернее сказать, единично, без соответствующих помет, без подачи их в качестве слов особой категории (см., например, *громокипящий* в «Словаре русского языка» Академии наук 1895 г., *дамоподобный* там же, *лимонничать* в «Словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и др.).

О составе словника Л. В. Щерба писал: «... „Thesaurus“ характеризуется именно тем, что в его словник включаются все слова, какие только кем-либо были употреблены, хотя бы это и имело место всего один раз... в последовательном полном нормативном словаре... должны быть даны все слова, имеющие безусловное хождение в данном языке»¹.

Это положение представляется нам бесспорным. Охватить все слова, являющиеся продуктом индивидуального слоготворчества, просто не под силу словарю с заранее ограниченным размером. Кроме того, и это главное, если нельзя не согласиться с тем, что «составители напрасно отказываются от включения в словарь слов малораспространенных: читатель именно их ищет в Словаре»², то во всяком случае слова малоупотребительные (например, *дрызгун*, *вышибка*) должны сопровождаться пометой, указывающей на их ущербность в отношении свойства «безусловного хождения», а слова, недолго существовавшие (например, *междудумье*, *херенка*, *соден*), должны быть снабжены указанием на кратковременность употребления. Помета же, которой должны были бы сопровождаться окказиональные слова: «только у Тютчева», «только у Щедрина» и т. д., сама по себе говорит о том, насколько неуместны подобные слова даже в полном нормативном словаре, задача которого — отразить словарный состав литературного языка на протяжении определенного периода; ведь «только у такого-то» как раз и значит, что слово не вошло в словарный состав.

Сказанное вызывает следующие вопросы.

Где и как учитывать окказиональные слова, если они не подлежат включению в обычные словари; как поможет словарь пониманию окказиональных слов, если они не включены в его словник; как отличить окказиональные слова от неологизмов, чтобы не включить их в словник по ошибке. Последний вопрос может показаться неожиданным, поэтому мы с него и начнем.

Дело в том, что если встретить окказиональное слово у писателя прошлого века, его легко признать за таковое просто потому, что прошло достаточное время. Читая у Пушкина: «... Мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком *дамоподобны*» («Разговор о критике»)³ и зная, что слова *дамоподобны* в русском языке нет, только и остается заключить, что слово это составлено Пушкиным и его достоянием и осталось. Но не так просто обстоит дело, когда окказиональное слово

¹ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 106.

² См. ВЯ, 1956, № 5, стр. 100.

³ Заметим, что слово *дамоподобный* дано в «Словаре русского языка [АН СССР]» (7-е изд., т. V, вып. 1, М.—Л., 1937) с пометой «устар.», с объяснением: «то же, что женоподобный» и иллюстрацией в виде той же цитаты из Пушкина, которая приведена здесь (второй цитаты и не может быть). Объяснение неверно, и это должно быть понятно каждому, кто вдумается в мысль Пушкина. Неверна и помета «устарело», так как не может устареть слово, никогда не бывшее в употреблении, не имеющее возраста.

встречается у писателя современного или в современной прессе; не так легко определить в данном случае, окказиональное это слово или **незнакомый** читающему неологизм. Данный вопрос особенно актуален при составлении двуязычных словарей тех языков, где окказиональные слова имеют широкое распространение (немецкий, японский), что делает их стилистически однородными со словами «постоянного» словарного состава и потому трудно отличимыми от вошедших во всеобщее употребление неологизмов.

В русской литературе окказиональные слова, несомненно, не имеют такого широкого распространения, как, например, в немецкой или японской: Щедрин и Маяковский в этом отношении составляют исключение и резко отличаются от таких классиков, как Пушкин, Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие. По-видимому, это обстоятельство способствовало тому, что само явление окказионального словообразования не привлекло достаточного внимания исследователей, а сами такие новообразования вызвали несколько пренебрежительное к себе отношение. Например, К. И. Чуковский, приводя такие примеры, как *ручьиться* (Державин), *обезмышить* (Жуковский), *апельсинничать*, *лимонничать* (Достоевский) и ряд других, пишет: «Все это слова-экспромты, слова-однодневки, которые и не притязали на то, чтобы внедряться в язык. Созданные специально для данного случая, они чаще всего культивировались в домашних разговорах, в частных письмах, в шуточных стихах и умирали тотчас же после своего появления на свет»¹.

Спору нет, при непринужденном выражении, в письмах и т. п. окказиональные слова появляются и у таких авторов, в чьих произведениях они всерьез не употребляются. Ограничимся одним примером — окказиональным словом Ленина в письме к Горькому: «Не напишите ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, „духподъемную“, а?»². Однако окказиональные слова, употребленные в художественном произведении, живы до тех пор, пока живо само это произведение. Их оценка, данная в цитированных выше строках, не оправдана. Более правильно оценил их А. Г. Горнфельд: «Большинство этих слов чрезвычайно удачно: все они — на своем месте просто неизбежны, а очень многие весьма выразительны...»³.

Эта характеристика относится к окказиональным словам персонажей Достоевского. Но мы хотим подчеркнуть, что окказиональные слова «просто неизбежны» далеко не только в художественной литературе и далеко не только у отдельных авторов. В настоящее время они встречаются даже в деловой прозе. Например, К. И. Чуковский в этой же своей книге пишет: «...Больно читать ту свирепую строку, которую сочинила одна поэтесса в Москве: Ах, почта с шоколадом... *Щебси!*—Нужно ненавидеть ребят, чтобы предлагать им такие языколомные *щебси*. Не мешало бы сочинителям подобных стихов поучиться у тех малышей, которым они царапают горло своими корявыми *щебсами*»⁴. Мы имеем в виду не столько существительное *щебси*, явно нарочито каламбурное, сколько слово *языколомный*: негодующая интонация всего абзаца и то, что это слово параллельно прилагательному *корявый* в следующей фразе, свидетельствуют, что окказиональное слово *языколомный* употреблено автором всерьез, в строку.

Ниже мы приводим некоторое количество окказиональных слов, замеченных нами в прессе последних лет, причем только в ж а н р а х

¹ К. Чуковский, От двух до пяти, М., 1956, стр. 34.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 1.

³ А. Г. Горнфельд, Новые словечки и старые слова, сб. «Муки слова», М.—Л., 1927, стр. 173.

⁴ К. Чуковский, указ. соч., стр. 272.

деловой прозы — статьях, рецензиях, корреспонденциях, отчетах о выступлениях и т. п. Несколько таких слов даны в цитатах с целью показать, как просто, без нарочитости, всерьез они звучат в контексте (именно поэтому мы и ограничились окказиональными словами из жанров деловой прозы).

«Стихи, лишенные поэтической конкретности, лишенные поэтического своеобразия, превращаются в суррогат, в *общесловие*»¹ (А. Лацис, «Лит. газ.» 18 II 54). Вскоре это слово встретилось нам вторично, но с другим окончанием, следовательно, образованное самостоятельно: «*Общесловность публицистической лирики — враг поэзии*» (В. Огнев, «Лит. газ.» 20 V 54); «Читатель видит в кресле секретаря райкома партии современного помпадур, *планотворца*, преисполненного верой в силу бумажки» (Г. Платонов, «Звезда», 1954, № 5); «*Конъюнктура-матушка!* Она! Желание во что бы то ни стало, не брезгуя средствами, «откликнуться» на злободневную тему. Нетрудно представить, как рождаются такие отклики-скороспелки, как поступают заказы на *сыропеклую* музыкальную продукцию» (Е. Шатров, «Сов. культура» 6 V 54); «Эти авторы относятся к породе конъюнктурщиков, которые после разгрома теории бесконфликтности *переконъюнктурились* и шаркнулись в противоположную сторону» (Г. Николаева, «Лит. газ.» 25 IX 54)²; «Не проходит и месяца, как журналистам газеты... становится ясно: они пригрели кочующего халтурщика, неистового *строчкогона*, глубоко равнодушного к нелегкому и славному труду газетчиков» (Л. Ленч, «Лит. газ.» 21 V 55); «Неужели реализм — в однообразии форм выражения действительности? ... разве догматический *благополучив*» не так же опасен и вреден, как и всякие другие вредные «измы»?» (А. Довженко, «Лит. газ.» 21 VI 55); «Попадают еще среди взрослых читателей книг, написанных для детей, *словоеды*, придирающиеся к каждому непривычному для них выражению» (Л. Кассиль и С. Михалков, «Лит. газ.» 12 VII 55); «Он не рассказывает о поэте, но «митингует», сыплет звонкими фразами. Как надоело это фасадно-парадное *трескословие!*» (З. Паперный, «Лит. газ.», 16 VI 56); «Самое опасное для Шираза, считает С. Щипачев, и характерное для него явление — это *утомительное пышнословие*» («Лит. газ.» 7 VI 56); «Уж больно мы любим *доосмысливать* задним числом!» (В. Огнев, сб. «День поэзии», М., 1956); «В стране начался процесс *рассвобождения* творческих сил» (А. Яшин, там же); «Рисковать в вынужденных условиях режиссер может только наверняка... Вот и появляются на экране в большом количестве *верняки*» — эти плоды производственного и творческого стереотипа» (И. Хейфиц, «Сов. культура» 15 XI 56); «Однако главные причины *малописания*» наших драматургов, думается мне, даже не в этом» (Л. Малюгин, «Лит. газ.» 4 XII 56).

Это же слово имеется и у Чехова: «Только, пожалуйста, пишите побольше, а то ведь *малописание* ни к чему не ведет» (Письмо В. Н. Аргутинскому-Долгорукову). Вспомнилось ли оно Л. Малюгину и употреб-

¹ Курсивом окказиональное слово раньше, здесь и всюду далее выделено мной, но в кавычки взято только в том случае, когда они есть и в оригинале.

² В этом предложении интересно и слово *конъюнктурщик*, но думается, что это неологизм, имеющий широкое хождение. Он почти вытеснил свой синоним *оплартурист*. Кстати сказать, слова *конъюктурщик*, *конъюктурность* (например: «...запись, противопоставляющая подлинную современность мысли и *конъюктурность*» — «Лит. газ.» 20 XII 56), *конъюктурщина* (например: «Объявлена непримиримая борьба начетничеству и вульгаризации, беззащитнейшей *конъюктурщине*» — «Лит. газ.» 5 II 57), *переконъюктурились*, словосочетания типа *конъюктурная трусость* («защита юмора от ханжества и *конъюктурной трусости*» — «Сов. Россия» 5 I 57), выражение *конъюктур-матушка* с последующим контекстом (см. предыдущий пример) — все это указывает на особую окраску значения самого слова *конъюнктура* как общего слова современного языка.

лено цитатно или сочинено заново? И в том и в другом случае оно остается окказиональным. Некоторые окказиональные слова встречаются по несколько раз даже в современной прессе: «Я убежден, что именно отсюда протекают „*мелкотемье*” и идейная наивность многих творческих заявок» (А. Лапкин, «Сов. культура» 30 VIII 56); «Их другая беда — *мелкотемье*. Они словно плавают все время у бережка, боясь пуститься в открытое море» (Д. Заславский, «Правда» 5 IX 56); «И если, действительно, порою бывает трудно внедрить в производство что-либо новое, то еще труднее становится „*вынедрить*” старое, отжившее, вышедшее из моды» (Без подписи, «О вещах хороших и плохих», «Лит. газ.» 22 III 56); «Одно время можно было наблюдать, как работникам литературы и искусства то приказывали внедрить что-то в свои произведения, то „*вынедрить*” (Выдержки из выступлений на семинаре по эстетике, выступление Г. Орловой, бюлл. «Моск. литератор» 3 XI 56).

Наиболее часто (8 раз) встречалось нам слово *гладкопись*: «Пусть я услышу неуклюжее, грубоватое, спорное, но свое, по-своему сказанное слово о людях и чувствах. Только не *гладкопись*! Как мы бываем благодарны художнику, когда он нехоженными тропами ведет нас по жизни» (М. Прилежаева, «Лит. газ.» 13 I 55); «В целом литературный процесс показан без стараний его заретушировать, без раздражающей *гладкописи* и *сладкописи*, но и без недооценки крупнейших завоеваний нашей литературы» (Г. Ленобль, «Лит. газ.» 31 III 55). и др. (см. ниже).

Кроме того, нам встретились в тех же жанрах долевой прозы следующие слова: *радиозаросли* (А. Морозов, «Вечерняя Москва» 23 VI 53), «*мероприятчик*» (Г. Шергова, «Огонек», 1953, № 48), «*космориторика*» (С. Щипачев, «Лит. газ.» 1 XII 53), «*строчковажительство*» («Лит. газ.» 12 I 54), *избумаженные* стены (И. Егоров, «Правда» 19 II 54), *громобетонные* сравнения (К. Лапкин, «Лит. газ.» 8 V 54), поэзия... *юбелеила* (В. Огнев, «Лит. газ.» 20 V 54), *всевозрастные* (И. Павлюкко, «Лит. газ.» 26 VI 54), *убивательные* приборы¹ (Л. Леонов, «Известия» 1 VIII 54), «*пустолазный*» (о костюме для астронавтов; без подписи, «Знание — сила», 1954, № 10), *единошрифтные* (Л. Леонов, «Сов. культура» 3 II 55), «из репродукторов подплыло нечто *румбообразное, бостоноподобное*» (А. Ленский, «Сов. культура» 5 III 55), *большеживотный* (Д. Краминов, «Правда» 7 IV 55), *батлероподобные* (о сторонниках сенатора Батлера; Б. Владимиров «Правда» 12 VI 55), *хулиганобоязнь* (письмо В. Николаева, обзор писем «Решающая роль принадлежит общественности», «Лит. газ.» 28 VI 55), «*медленнопроизводческая* канцелярская машина и *словопроводы*» (С. Балбеков, «Правда» 22 I 56), *бесконфликтчик* (А. Сафронов, «Огонек», 1956, № 2), *вспышкопускательство* и *кинодельцы* (Г. Александров, «Сов. культура» 28 VI 56), *кока-колизм* (Д. Заславский, «Октябрь», 1956, № 7), *дуракаваляние* (Н. Вильмонт, «Иностр. лит-ра», 1956, № 8), поэма *остроконфликтна*² (М. Иванова, «Лит. газ.» 27 XI 56), *шапковажительство* и *мячезажительство* (о волейболистах; Н. Грибачев, «Лит. газ.» 27 XI 54), *забюрократизирована* (Ф. Вигдорова, «Лит. газ.» 7 III 57). По два раза: *оскучивать* (А. Фадеев, «Лит. газ.» 20 IX 55 и Е. Езерский,

¹ Почти в то же самое время это слово появилось в художественной литературе в другом варианте: *убивальные* машины (Р. Ким, Девушка из Хиросимы, «Октябрь», 1954, № 8). Этот вариант кажется нам более выразительным, поскольку прилагательные с суффиксом *-льн* имеют только одно значение — предназначенности к действию, тогда как значение суффикса *-тельн* шире, так что *убивательный*, становясь в ряд с *внимательный*, *окончательный* и т.п., само по себе может быть понято и как *убийственный*.

² Это вряд ли случайное явление — слитное написание двух слов; по-видимому, разгром теории бесконфликтности привел не только к появлению произведений с острыми конфликтами, но и к созданию антонима слова *бесконфликтный* — *остроконфликтный*.

«Новый мир», 1956, № 2), *малокартинье* (Л. Погожева, «Сов. культура» 4 III 55 и М. Ромм, «Сов. культура» 28 IV 56), *многотемье* (Ал. Борщяговский, «Моск. литератор» 26 XI 56 и И. Кашкин, «Новый мир», 1956, № 12), *гладкопись* (кроме вышеприведенных случаев: Е. Евтушенко, «Лит. газ.» 10 III 56; Н. Носов, «Огонек», 1955, № 19; Ю. Юровский, «Коммунист Сов. Латвии», 1956, № 6; А. Коваленков, статья в сб. «День поэзии», М., 1956; Л. Чуковская, статья в сб. «Лит. Москва», № 2, М., 1956.)

Все приведенные примеры наглядно показывают, что окказиональные слова применяются не только в художественной литературе, где они давно замечены исследователями, но и в прессе (в статьях, фельетонах, рецензиях, заметках, корреспонденциях и т. д.) и что создание их — дело далеко не только отдельных художников слова: они срываются с пера критиков, рецензентов, журналистов, непрофессиональных литераторов и просто случайных авторов писем в редакцию. А. Г. Горнфельд писал по поводу таких слов: «Человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал он его или сочинил: оно понятно ему, оно понятно его собеседнику — чего еще?»¹.

В связи с этим надо заметить, что сравнительно редко окказиональные слова даются в кавычках. Кавычки в этих случаях служат показателем того, что пишущий знает об особом характере употребленного им слова и обращает на него внимание читателя. Это, несомненно, свидетельствует, что слово еще не вошло во всеобщее употребление настолько, чтобы ощущаться как рядовое. С другой стороны, отсутствие кавычек не может служить доказательством, что данное слово — не окказиональное. Скорее всего, отсутствие кавычек вызывается тем, что автор просто выражается так, как сказалося.

Характерен, например, такой случай: в передовой «Правды» (18 II 54) мы встречаем без кавычек слово *бумаготворчество*: «Надо иметь в виду, что тот, кто пытается подменить организаторскую и политическую работу *бумаготворчеством*, голым администрированием, тот наносит вред делу нашей партии». Через некоторое время в прессе встречается то же слово с другим суффиксом: «Мы, инженеры МТС, просим оградить нас от писания и подписывания несчетного и ненужного количества актов и бумаг, сократив *бумаготворение* до необходимого минимума» (Письмо в редакцию инженера-механика В. Одолева, «Лит. газ.» 28 I 56); следовательно, *бумаготворчество* — слово не общеизвестное, а так как потребность в нем есть, оно создано заново. То же слово *бумаготворчество* было употреблено министром здравоохранения СССР М. Д. Ковригиной в ее докладе в октябре 1956; «Медицинский работник», публикуя доклад (24 X 56), не выделил этого слова; но через несколько дней «Литературная газета» (30 X 56) в изложении этого же доклада заключила *бумаготворчество* в кавычки. Таким образом, даже при четырех зарегистрированных случаях употребления этого новообразования, все же нельзя заключить, что оно имеет «безусловное хождение». Только слово *гладкопись* выделяется и частотой и характером употребления; ни разу оно не встретилось с кавычками, причем один раз это слово даже само послужило моделью для образования другого слова — *сладкопись*. Будущее покажет: быть может, и слова *вынедрить*, *бумаготворчество* и еще какие-нибудь из приведенных здесь слов, вполне понятных вне контекста, получают широкое распространение и через какое-то время заслужат право включения в словарь на правах неологизмов; но пока, по-видимому, они выступают только как продукт индивидуального словотворчества и индивидуального словоупотребления

¹ А. Г. Горнфельд, указ. соч., стр. 171.

(кроме, пожалуй, слов *гладкопись* и *мелкотемье*, которые скорее всего являются профессиональными писательскими жаргонизмами).

Количество перечисленных примеров окказиональных слов, замеченное одним человеком за два с небольшим года только в прозе делового характера при не слишком внимательном и не сплошном чтении довольно ограниченного числа органов современной русской прессы, позволяет представить, сколько же их встречается во всех жанрах литературы в тех языках, где окказиональное словообразование имеет широкое распространение, как, например, в немецком и японском. Как же должна относиться к окказиональным словам лексикография? Неологизмы, т. е. новообразования, имеющие широкое хождение, несомненно, подлежат включению в словарь, поскольку этим фиксируется словарный состав языка в момент составления словаря. Напротив, окказиональные слова, т. е. индивидуальные словообразования, фигурирующие в словоупотреблении только одного или нескольких лиц [будь то слова, употребленные писателями в художественных произведениях — *поцекистей* (Маяковский), *душедрянствовать* (Щедрин), будь то слова, замеченные в рядовой газетной заметке — *трескостловие*, *перекопьюнктуриться*], включению в словарь не подлежат: они засоряют его, создавая неправильное представление о словарном составе языка.

Отсюда следует, что лексикографам надо строго отличать окказиональные слова от неологизмов и первые в словарь не включать.

Следовательно, новообразования, которые извлекают из современной художественной литературы и текущей прессы (в процессе их расписки, производящейся при составлении словаря в целях приведения словника в соответствие с современным словарным составом), и вообще всякие «редкие» слова должны оцениваться прежде всего с этой точки зрения. Никакая цитата сама по себе не может служить доказательством того, что данное слово действительно вошло в язык, а не является окказиональным — этим доказательством не могут являться даже несколько цитат. Решающее слово принадлежит составителю словаря (автору или редактору). Как в научном труде воплощаются знание предмета его автором, глубина его научной мысли и широта кругозора, так и в словаре от степени знания языка его составителем (знания, основанного на долготелней активной и пассивной языковой практике, вовсе не требующей ежечасного составления карточек) и от глубины его научной мысли зависит правильность отражения в словаре объективной языковой действительности. Если составителем словаря является вдумчивый знаток языка, то его утверждение, что такого слова в языке нет, с нашей точки зрения, перевешивает цитату, и не одну, а утверждение, что слово имеет широкое хождение, не нуждается в обилии цитат и даже возмещает их отсутствие. Словник не может являться результатом простого сложения слов из расписанных цитат.

В конечном счете составитель словаря решает, какое слово находится перед ним: имеющее «безусловное хождение», малоупотребительное или, наконец, продукт индивидуального словотворчества. Механически подходить к этому вопросу недопустимо.

Нельзя совать в словарь каждое новое слово, как Осип тащит в свое хозяйство каждую веревочку¹.

Переходим ко второму из поставленных ранее вопросов. Как обеспе-

¹ Вот почему отраднo было прочесть, что при обсуждении состояния работы над четырнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» в Бюро ОЛЯ АН СССР в апреле с. г. имели место высказывания, подвергавшие критике карточку (см. ВЯ, 1956, № 5, стр. 97 и 100).

чит словарь возможность полного понимания языка некоторых классиков, а также языка текущей прессы, если он не включит в словник окказиональных слов? Этим вопросом нельзя пренебрегать, ибо справедливо признать «... очень важным вопрос о том, удобен или неудобен словарь как справочник, считая, что прямое назначение словаря — служить справочником прежде всего в отношении толкования слов...»¹. Окказиональные слова, как правило, строятся по продуктивным типам словообразования, а кроме того, значение их мотивируется и объясняется контекстом. Поэтому достаточно, чтобы каждый словарь имел в своем составе статью о приемах словообразования в данном языке с продуктивными моделями аффиксальных и сложных слов и с перечнем всех продуктивных аффиксальных и полуаффиксальных элементов. Надо заметить, что включение словообразовательных элементов в словник словаря, как это иногда делается², недостаточно помогает делу: чтобы найти такой элемент в словаре, надо сначала уметь выделить его в слове. Вот для этого их систематический перечень и нужен. Л. В. Щерба писал: «Одним из... основных отделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова»³. Статья о правилах словообразования уместна и необходима в первую очередь в словаре, так как обеспечивать понимание лексики — его прямая задача.

Остается ответить на первый из вопросов, поставленных в начале статьи: где и как учитывать окказиональные слова до создания Thesaurus'a? Было бы хорошо, если бы соответствующий кабинет лексикографической секции Института языкознания АН СССР, ведя систематический учет всех новообразований в художественной литературе и деловой прозе основных органов прессы, выискивал бы ежегодно словарики-буллетень новых слов, независимо от степени их употребительности. Будущее покажет, какие из них останутся в пределах индивидуального словоупотребления, а какие получают «безусловное хождение». Такие словарики могли бы использоваться в дальнейшие годы при составлении Thesaurus'a, они послужили бы в будущем драгоценным материалом для историков языка и, наконец, представили бы непосредственный живой интерес не только лингвистический: ведь эти новообразования в какой-то мере характеризуют свое время.

Но, кроме того, созданные в прежние годы окказиональные слова русских писателей, оставшиеся и обреченные оставаться за пределами обычных словарей, заслуживают того, чтобы, не ожидая Thesaurus'a, быть собранными в отдельном словаре, для чего их прежде всего надо систематически разыскать — от Державина, у которого, например, К. И. Чуковский отметил глагол *ручьиться*, до советской литературы последних лет, где, например, нам встретилась такая прелестная параллель к глаголу *потакать*, как *перетакивать*: «так или не так, а *перетакивать* не будем» (П. Вершигора, «Звезда», 1950, № 3).

Нам думается, что словарь окказиональных слов русских писателей в разных отношениях — для лексикологии, для истории языка, для стилистики и для литературоведения — представил бы немалый интерес.

¹ ВЯ, 1956, № 5, стр. 103.

² См., например: В. К. Мюллер, Англо-русский словарь (5-е изд., М., 1955), «Немецко-русский словарь», под ред. В. В. Рудаша (3-е изд. — под ред. А. А. Лепинга, М., 1947) и др.

³ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, ИАН ОЛЯ, 1945, вып. 5, стр. 181.